

КОВТУНОВА И. И.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается коммуникативная структура поэтической речи в соотношении с коммуникативной структурой двух функциональных типов речи, обладающих резко выраженными чертами с х о д с т в а и р а з л и ч и я с поэтической речью, — внутренней речи и разговорной речи. Сходства и различия в строении речи и в характере употребления в ней средств языка объясняются сходствами и различиями у с л о в и й к о м м у н и к а ц и и. Чем более специфичны условия коммуникации, тем более рельефно разнообразность коммуникации предстает как особый тип речи. Высокая специфичность условий коммуникации в разговорной и поэтической речи на фоне других разновидностей речи рождает в обоих случаях глубоко своеобразный набор структур и функций. Исследователям разговорной речи это даже дает повод говорить об особой системе в рамках литературного языка [1].

Условия коммуникации всякий раз определяются особым характером и особым соотношением компонентов, входящих в общую м о д е л ь к о м м у н и к а ц и и [2]. Это следующие шесть компонентов: говорящий (речевой субъект), адресат, способ контакта, язык (код), сообщаемое (референт), сообщение (текст). К этим шести слагаемым коммуникативной модели восходят все возможные коммуникативные характеристики, определяющие структуру речи и семантику употребляемых в ней языковых средств.

Поэтическая речь и внутренняя речь. Коммуникативная позиция говорящего в поэтической речи совмещает два противоположных начала. Это, с одной стороны, коммуникативная позиция внутренней речи, «речи для себя» с характерными для нее внутренними адресатами (сам говорящий, другое лицо, любое явление мира) и, с другой стороны, ориентация на создание сложно организованного письменного текста, который рассчитан на внешнего адресата (читателя ¹).

Из этой парадоксальной позиции говорящего проистекает основная а н т и н о м и я поэтической речи, предопределяющая языковую структуру поэтических текстов, в которых высокая степень упорядоченности, касающаяся всех уровней его организации, сочетается с возможностью вводить элементы спонтанной речи. Известно, что в поэтической речи допускаются более свободные синтаксические построения по сравнению с другими типами литературной речи (исключая все виды имитации устной разговорной речи).

Коммуникативная ситуация внутренней речи позволяет употреблять в лирическом тексте языковые черты естественной внутренней речи. В рамках сложно построенного текста эти черты создают образ спонтанно протекающего процесса внутренней речи и — шире — моделируют структуру и динамику внутреннего мира человека в его взаимодействии с миром внешним.

Для лирики специфичны такие языковые черты, которые моделируют внутренний поток сознания. Можно выделить четыре компонента внутреннего мира, четыре процесса, образно передаваемых синтаксической структурой лирических произведений.

1. Чувственное восприятие, созерцание. Образ восприятия создают дейктические средства языка — указательные местоимения и наречия,

¹ Г. В. Степанов выделяет в художественном тексте два типа адресатов: адресат в рамках текста, воображаемое «ты», и реальный адресат (читающая публика) [3].

фиксирующие центр восприятия и очерчивающие некоторый микромир, а также синтаксические конструкции, включающие в свою семантику позицию наблюдателя, воспринимающего описываемую картину. И те и другие конструируют образ мира, в центре которого находится и который воспринимает в момент речи лирический герой (моделируется ситуация *я — здесь — сейчас*): «Эти звезды кругом точно все собрались, Не мигая, смотреть в *этот* сад» (А. Фет, Благовонная ночь, благодатная ночь).

2. Адресованная речь (диалог с собой, другим лицом, миром), чрезвычайно характерная для лирики. Адресованную речь передают речевые формы устного диалога — второе лицо, обращение, побуждение, вопрос. Эти формы, как и дейктические средства, включают говорящего (лирическое *я*) в структуру поэтического сообщения: «Сады прекрасные, под сумрак ваш священный Вхожу с поникшею главой» (А. Пушкин, Воспоминания в Царском Селе); «Что ты, осень, наделала с нами! В красном золоте стынет земля» (Н. Заболоцкий, Осеннее утро).

3. Эмоционально-волевые импульсы говорящего — желание/нежелание, чтобы нечто происходило, положительная/отрицательная оценка. Помимо широкого круга разнообразных языковых средств, оценочное отношение передается некоторыми формами устного диалога в специфичном для лирики употреблении. См., например, побудительные высказывания в желательном значении, которое обычно появляется в повелительных формах, если адресатом речи служит не сам говорящий (при автоадресации сохраняется побудительное значение), но другое лицо или любое явление мира: «Приюти ты в даях необъятных! Как и жить и плакать без тебя!» (А. Блок, Осенняя воля).

4. Процесс мышления, познания явлений мира, заключающийся в присвоении предметам мысли разнообразных признаков (предикация как психологический акт, протекающий во внутренней речи) и в вопросах, возникающих в процессе поисков знания.

Предикация, кроме формы развернутого предложения-суждения, выражается особой семантической структурой лирического текста, конденсирующей предикативную семантику. Например, словосочетания с пропозитивной семантикой (свернутые предикаты) могут занимать позиции любых членов предложения или именных предложений («Запевающий сон, зацветающий цвет, Исчезающий день, погасающий свет» — А. Блок, Запевающий сон, зацветающий цвет), образуя ряды чисто предикативных конструкций, заполняющих композиционное пространство стиха.

Такой структурный принцип организации лирического текста как бы повторяет структурный принцип внутренней речи, в которой сгущение мысли достигается сплошной предикативностью [4]. В этом отношении строение лирического текста является в известной мере изоморфным строению внутренней речи. Лирика не прямо отражает, но моделирует внутреннюю речь.

Поиски знания, характерные для внутренней речи, выражаются в лирических текстах безответными вопросами, вопросно-ответной структурой и ответами на имплицитно присутствующие в тексте вопросы.

Языковые черты, моделирующие внутреннюю речь, свободно вводятся в поэтические тексты вследствие частичной общности условий коммуникации в поэтической (лирической) и внутренней речи. К таким общим условиям относятся: приоритет точки зрения говорящего, известность говорящему предмета речи, присутствие в сознании говорящего в момент речи всей экстралингвистической ситуации, особая позиция говорящего по отношению к адресатам речи, в частности, возможное слияние речевого субъекта и адресата, поскольку одним из адресатов речи становится сам говорящий, предельная общность в этом последнем случае апперцепционной базы собеседников.

Некоторые из этих условий подробно проанализировал Л. С. Выготский, который сравнивал внутреннюю речь с устной разговорной речью и с письменной речью. Л. С. Выготский исходил из того, что функциональное назначение речи оказывает прямое влияние на ее структуру, на ее лексику и синтаксис. Рассматривая внутреннюю речь как особый вид ре-

ческой деятельности, Л. С. Выготский писал: «Небезразлично, думается нам, говорю ли я себе или другим. Внутренняя речь есть речь для себя. Внешняя речь есть речь для других. Нельзя допустить даже наперед, что это коренное и фундаментальное различие в функциях той и другой речи может остаться без последствий для структурной природы обеих речевых функций» [4, с. 279]. Во внутренней речи говорящему всегда известен предмет речи. «Мы всегда в курсе нашей внутренней ситуации. Тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Мы знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях. Оно всегда подразумевается» [4, с. 301]. Общность апперцепции «при общении с собой во внутренней речи является полной, всецелой и абсолютной». «Во внутренней речи нам никогда нет надобности называть то, о чем идет речь, т. е. подлежащее» [4, с. 302]. Отсюда вытекает предикативность (в пределе — абсолютная предикативность) как основная синтаксическая форма внутренней речи.

По мысли Л. С. Выготского, чистая предикативность возникает и во внешней речи в двух основных случаях: в ситуации ответа или в такой ситуации, когда подлежащее высказываемого суждения заранее известно собеседникам. Это происходит в устном диалоге, который характеризуется минимумом синтаксической расчлененности, сгущением мысли, тенденцией к предикативности. В письменной речи, напротив, синтаксическая расчлененность достигает своего максимума. Письменная речь по сравнению с устной — это максимально развернутая форма речи. Общий вывод Л. С. Выготский формулирует следующим образом: «Если в устной речи тенденция к предикативности возникает иногда (в известных случаях довольно часто и закономерно), если в письменной речи она не возникает никогда, то во внутренней речи она возникает всегда. Предикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых, и притом здесь мы встречаемся не с относительным сохранением сказуемого за счет сокращения подлежащего, а с абсолютной предикативностью» [4, с. 300—301]. «Чистая предикативность внутренней речи, — пишет Л. С. Выготский, — была установлена в эксперименте как факт». И далее автор замечает: «Устная речь таким образом занимает среднее место между речью письменной, с одной стороны, и внутренней речью — с другой» [4, с. 301].

Если взглянуть с этой точки зрения на поэтическую речь, то легко увидеть, что она также занимает как бы среднее место между непоэтической письменной речью и внутренней речью. В ней существует лишь тенденция к абсолютной предикативности, которая не всегда реализуется полностью. Но возможны и сплошь предикативные лирические тексты, состоящие из одних предикатов. В поэтической речи можно наблюдать тенденцию к сгущению мысли путем концентрации предикативной семантики. Поэтический текст в этом отношении имеет сложную иерархическую структуру, включающую предикаты разных рангов. Это речь одновременно и развернутая и свернутая. При этом единство и теснота стихового ряда, выделение свернутого предиката (именной группы с пропозитивной семантикой) в отдельную строку повышает его в ранге и ставит в равноправное семантическое положение с главным грамматическим предикатом. См., например, стихотворение А. Пушкина «Все в жертву памяти твоей», состоящее только из одних предикатов — безотносительно к их принадлежности к тем или другим членам предложения, или стихотворение А. Фета «Это утро, радость эта», где тема — лирическое я и его восприятие описываемого мира, а текст содержит сплошь предикаты к этому постоянному «субъекту» лирических высказываний.

Повышенная предикативность поэтической речи возникает таким образом не только за счет пропуска темы, как в устной речи, но (и это главное) за счет усложненной семантической структуры поэтического текста. Поэтому, строго говоря, поэтической речи следует отвести не среднее положение между письменной речью («речью для других») и внутренней речью («речью для себя»), но такое положение, при котором признаки этих двух типов речи сложным образом совмещаются. Их переплетение и взаимодей-

ствие создают некоторое третье качество, так что в структуре поэтического текста нельзя отделить «речь для себя» от «речи для других», если рассматривать речь как целое. Путем анализа можно отметить лишь языковые черты того и другого типа речи.

Такое сложное взаимодействие «речи для себя» и «речи для других» наблюдается во всех перечисленных выше случаях, когда поэтический текст моделирует внутреннюю речь. Органическое слияние двух типов речи в поэтических текстах проявляется в семантике языковых средств. В частности, формы диалогической речи во многих случаях совмещают в себе значения, восходящие к двум названным источникам.

Указательные местоимения и наречия в поэтической речи способны выступать одновременно в анафорической и собственно дейктической функции (указание на речь и указание на действительность). В первой функции они организуют связный текст («речь для других»), во второй — передают внутреннее видение поэта, непосредственное восприятие (один из компонентов внутренней речи, внутреннего мира). Например, в стихотворении А. Фета «Сад весь в цвету»:

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне;
Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной встречи я жду.
Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя!

Здесь местоимение *этот* выступает в анафорической функции, оно является связующим элементом текста. И в то же время оно устанавливает позицию наблюдателя, эмоционально воспринимающего описываемую картину, т. е. служит способом выражения внутренней речи.

Рамки лирического стихотворения открывают возможность выражать внутреннюю речь — по крайней мере, на отдельных участках текста — в предельно концентрированном виде. Например, в следующей строфе из стихотворения Б. Пастернака «Марбург», где, помимо дейксиса, вопрос и побуждение, обращенные лирическим героем к себе, и перечислительный ряд предикативно-характеризующих конструкций, выражающих восприятие лирического *я*, передают поток внутренней речи:

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман *этот*, лед *этот*, *эту* поверхность
(Как ты хороша!) — *этот* вихрь духоты...
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Таким путем в лирическом тексте сочленяются два полярных начала — спонтанная внутренняя речь и — в высшей степени организованная, развернутая письменная речь — «речь для других».

В формах адресованной речи указанная антиномия поэтической речи проявляется еще более отчетливо. Обращение в поэтической речи способно совмещать функцию адресации и номинации (наименования предмета речи), адресации и предикации. Адресация относится к сфере внутренней речи, она служит знаком внутреннего диалога (диалога с собой, другим лицом, миром). Номинация и предикация — принадлежность общающейся речи — «речи для других». Ярko обнаруживает сочетание внутренней речи и внешней речи в лирическом тексте употребление форм лица. Второе и третье лицо могут относиться к одному и тому же предмету. Усиление номинативной функции в обращении может сопровождаться свободным переходом от второго лица к третьему и обратно. В стихотворении Тютчева «Как хорошо *ты*, о море ночное» в четвертой строке первой строфы появляется третье лицо («Ходит, и дышит, и блещет *оно*...»), а в четвертой стро-

ке второй строфы — снова второе лицо («Тусклым сияньем облитое море, Как хорошо *ты* в безлудье ночном!»). Второе лицо — знак внутреннего диалога, третье лицо — знак отчуждения, установления дистанции, превращения адресата в предмет «речи для других».

Более сложная структура возникает, когда в речи от первого лица, обращенной к лирическому *ты*, лирический герой отчуждает себя и говорит о себе в третьем лице. В стихотворении Тютчева «С какою негою, с какою тоской влюбленной» напряженный внутренний диалог с лирическим *ты* строится как отчужденный, отстраненный от *я* рассказ («С какою негою, с какою тоской влюбленной Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!»; «И на руки *к нему* глава твоя склонялась, И, матери нежней, тебя лелеял *он*»...), и лишь в последней строфе возвращение к первому лицу сразу же устраняет дистанцию между *я* и *он*: «А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось, Что будущность *для нас* обоих берегла...».

Так лирическая поэзия вырабатывает тонкие формы сочетания в тексте знаков внутренней речи и речи, рассчитанной на внешнего адресата.

Формы повелительного наклонения как знак прямой автокоммуникации — призыва говорящего к себе — обычно оказываются включенными в такой контекст, сверхиндивидуальный смысл которого расширяет адресата. Например, в стихотворении Пушкина «Соловей и роза»:

Не так ли ты поешь для холодной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; зываешь — нет ответа.

Совмещение автоадресации с неопределенно широким адресатом — характерная черта лирической поэзии. Неоднозначность адресата, его расширение ведет к появлению обобщающего модального значения в повелительном наклонении. Ср. стихотворение Ф. Тютчева «Не рассуждай, не хлопочи!...». В заключительных строках третьей главы поэмы А. Блока «Возмездие» (*Когда ты загнан и забит*) конкретный и глубоко личный эпизод приобретает надындивидуальную значимость. Это наполняет формы повелительного наклонения широкой коммуникативной направленностью (*Тогда — остановись на миг Послушать тишину ночную*).

«Речь для себя» и «речь для других» оказываются в подобных случаях нераздельно слитыми. Глубоко внутренний опыт поэта, его диалог с собой в поэтическом тексте предельно возможным образом экстериоризирован. Автокоммуникация в поэзии стремится перерасти в коммуникацию с внешним миром. И чем крупнее масштаб поэта, чем значительнее содержание поэтического произведения, его обезличенность, тем скорее это происходит.

Безответный вопрос как знак внутренней речи, внутренних поисков знания о мире способен приобщать к этим поискам более широкого адресата. Подобно тому как смысл призыва к себе может оказаться созвучным широкому кругу адресатов, смысл безответного вопроса также может быть близким широкому адресату-читателю и вовлекать его в то стремление к знанию, которое характеризует внутренний мир поэта: «А в сем коне какой огонь? *Куда ты скачешь, гордый конь, И где опустишь ты копыта?*» (А. Пушкин, Медный всадник). «О смертной мысли водомет, О водомет неистощимый! *Какой закон непостижимый Тебя стремится, тебя мятет?*» (Ф. Тютчев, Фонтан). Безответный вопрос, как и повелительные формы — способ экстериоризации внутреннего мира, установления связи индивидуального с общим.

Неназывание предмета речи как знак внутренней речи компенсируется в поэтическом тексте его развернутой характеристикой. В неназывании предмета речи сказывается природа поэтического познания, способ восприятия и выражения. В поэтической речи наименование предмета речи бывает не только избыточным, но и невозможным в силу его сложности, отсутствия готового имени, или нежелательным, поскольку имя дает лишь общее понятие о предмете, не раскрывая индивидуального представления поэта о его сущности. Такое представление способны дать лишь признаки

предмета. Поэтому имя устраняется, а обозначение признаков заполняет пространство лирического текста, создавая его повышенную предикативность, концентрируя признаковую семантику. Яркий пример — стихотворение Б. Пастернака «Сложна весла», где предмет речи обозначен указательным словом *это*, а все пространство стихотворения заполнено раскрытием его признаков (*«Этим»* ведь в песне тешатся все. *Это* ведь значит — пепел сиреневый, Роскошь крошечной ромашки в росе, Губы и губы на звездах выменивать! *Это* ведь значит — обнять небосвод» и т. д.).

Л. С. Выготский отметил «сокращение мысли» и упрощение синтаксиса внутренней речи. В поэтической речи мысль одновременно и сокращается и разворачивается, синтаксис и упрощается и усложняется. Сокращение мысли за счет пропуска наименования предмета речи (знак внутренней речи) сочетается с разворачиванием мысли за счет варьирования предикатов, образования рядов предикатов, кружения вокруг одной темы («Еще, еще раз о том же самом!» [5]). Развернутый ряд сообщений, с одной стороны, моделирует внутренние поиски знания, стремление постигнуть предмет путем присвоения ему все новых признаков, при помощи все новых уподоблений, с другой стороны, такой ряд — структура, организованная как «речь для других».

Повышенная предикативность поэтической речи наиболее отчетливо демонстрирует парадоксальность ее структуры. В данном случае одно и то же свойство имеет двойственную функцию. С одной стороны, концентрация предикативной семантики частично моделирует внутреннюю речь (частично — потому, что тяготение к абсолютной предикативности проявляется в поэтической речи лишь как тенденция). С другой стороны, это же свойство поэтической речи придает ей широкую социальную направленность и особую социальную значимость, поскольку повышенная предикативность уплотняет информацию и делает небольшой по размеру текст хранителем и передатчиком большого объема информации [6]. В этой особенности поэтической речи нерасчленимо соединяются «речь для себя» и «речь для других».

По способности конденсировать информацию с повышенной предикативностью сопоставима одна из наиболее существенных черт поэтической речи, проявляющаяся в области лексической семантики, — оперирование смыслами, а не значениями слов, сообщающее словам повышенную ассоциативность. Эту черту как присущую и внутренней речи и художественной — в широком смысле — речи также раскрыл Л. С. Выготский [4, с. 309]. В поэтической речи ее лексическая и синтаксическая структура одинаковым образом призваны концентрировать смысл, уплотнять информацию.

Неразделимое слияние в поэтической речи языковых особенностей, характеризующих «речь для себя» и «речь для других», усложняет семантику средств языка в поэтических текстах. Семантическая неоднозначность, которую можно наблюдать в поэтической речи, возникает в значительной степени как результат совмещения в поэтической речи двух коммуникативных ситуаций и слияния двух типов речи — внутренней речи и внешней речи.

Такое употребление грамматических форм, которое сложным образом совмещает внутреннюю и внешнюю речь, приближая текст то к одному, то к другому полюсу, хорошо согласуется с положением Ю. М. Лотмана о том, что «реальный поэтический текст транслируется по двум каналам одновременно... Он осциллирует между значениями, передаваемыми в канале „Я — Он“ и образуемыми в процессе автокоммуникации. В зависимости от приближения к той или иной оси и от ориентированности текста на тот или иной тип передачи он воспринимается как „стихи“ или как „проза“» [7, с. 236—237].

Совмещение двух каналов коммуникации делает лирическую поэзию единственным в своем роде способом экстериоризации внутреннего мира. Эта же особенность коммуникации в поэзии позволяет моделировать некоторые черты поэтического мышления — подвижность границ, их размывание между внешним миром и внутренним миром поэта.

Своеобразной чертой поэтического мышления является диалогическое общение со всем миром, расширение границ внутреннего мира до мыслимых границ мира внешнего. Сознание поэта раздвигает свои пределы, вмещая в себя внешний мир, который становится миром внутренним и в котором число возможных собеседников, адресатов речи безгранично возрастает. Эта черта поэтического мышления усиливает диалогичность внутренней речи поэта, и она же предопределяет повышенную диалогичность поэтической речи в лирике.

Несколько слов следует сказать об отличии внутренней речи в лирике от внутренней речи в других речевых жанрах. Диалогические формы речи, воспроизводящие внутреннюю речь, могут присутствовать и в эпических жанрах — во внутреннем монологе героя повествования, в несобственно прямой речи, при включении в повествование «субъектного плана» персонажа, его точки зрения. Во всех подобных случаях имитируется коммуникативная ситуация естественно протекающей внутренней речи, которая всегда представляет собой «речь в речи», «чужую речь», входящую в речь автора, а не прямо, непосредственно в рамки произведения. Этим отличается внутренняя речь в романе от внутренней речи в лирическом стихотворении.

Автор лирического стихотворения, включающий в текст элементы внутренней речи, занимает, как это было показано выше, двойственную коммуникативную позицию, в то время как коммуникативная позиция героя романа однозначна, как и в естественной ситуации внутренней речи. Сложную полифоническую структуру, ориентированную на адресата-читателя, представляет роман в целом.

Лирика предполагает непосредственное (а не опосредованное, как в романе) введение внутренней речи в рамки стихотворения. Интересен в этом отношении остроумный эксперимент А. А. Потемби, обнажающий особенности жанра. А. А. Потемба приводит стихотворение Фета «Облаком волнистым»:

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли.
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

В этом стихотворении, — пишет Потемба, — «только форма настраивает нас так, что мы видим здесь не изображение единичного случая, совершенно незначительного по своей обычности, а знак или символ неопределенного ряда подобных положений и связанных с ним чувств. Чтобы убедиться в этом, достаточно разрушить форму. С каким изумлением и сомнением в здравомыслии автора и редактора встретили бы мы на особой странице журнала следующее: „Вот что-то пылит по дороге, и не разберешь, едет ли кто или идет. А теперь видно... Хорошо бы, если бы заехал такой-то!“ [8, с. 340].

Этот текст представляет внутреннюю речь и в письменном воспроизведении требует включения в границы определенного жанра. Его бессмысленность объясняется отсутствием жанровых рамок. (О рамках художественного произведения см. [9]). В дневниковом жанре подобное высказывание не будет бессмысленным — это будет естественная «речь для себя». В эпическом жанре художественной литературы такое высказывание, чтобы обрести смысл, должно предстать как «речь в речи», как чья-то точка зрения. «Чужая речь» должна быть вставлена в речь автора, которая, в свою очередь, должна быть заключена в рамки определенного эпического жанра — романа, поэмы и т. д. Ср.: «Он не мог ошибиться. Только один на свете были *эти* глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. *Это* была она. *Это* была Кити. Он понял, что она ехала в Ергушово со станции железной дороги» (Л. Толстой).

Особенность жанра лирического стихотворения — в том, что внутренняя речь лирического я вводится в его рамки прямо, непосредственно. Но здесь ее функциональная значимость видоизменяется, поскольку она становится элементом сложно организованной поэтической структуры, строящейся как речь для других и способной, как хорошо сказал Потебня, быть символом «неопределенного ряда подобных положений и связанных с ними чувств».

Отсюда ясно, что не только функции языковых средств в разных жанрах, но и сами по себе речевые жанры различаются в каждом случае своеобразным сочетанием факторов, восходящих к условиям коммуникации.

Способы передачи внутренней речи в лирике являются непреходящими, универсальными языковыми особенностями жанра. Они входят в язык лирической поэзии, становятся поэтическими приемами и, следовательно, элементами формы. Форма повторяется, тускнеет и сама по себе утрачивает ценность. Вдохнуть жизнь в эти приемы может только живое и значительное, незаурядное содержание (означаемое лирического текста, референт). Небезразлично, как поэт воспринимает мир, что является предметом его внутреннего созерцания, что его притягивает или отталкивает, как он оценивает вещи, какие желания он высказывает, какие вопросы он задает, как он отвечает на вопросы и, наконец, какие признаки вещей он раскрывает и в какой иерархии их выстраивает. Если эти процессы, протекающие во внутренней речи, ведут к поэтическим открытиям, соответствующие формы передачи внутренней речи, присущие лирической поэзии, обретают живую функцию.

Модель коммуникации позволяет, таким образом, выявить факторы, определяющие постоянные признаки жанра лирического стихотворения, и факторы, определяющие переменные признаки произведений этого жанра.

Поэтическая речь и разговорная речь. Соотношение поэтической и внутренней речи дает ключ к раскрытию другого соотношения — поэтической и разговорной речи.

Известно, что поэтическая и разговорная речь обладают некоторыми общими признаками, выделяющими их из ряда других разновидностей речи. Определенные средства языка употребляются преимущественно или исключительно в этих двух типах речи. Но (если это не прямая имитация разговорной речи) семантика и функции таких средств оказываются в поэтической и разговорной речи различными. Е. А. Земская отметила, что «свойственная и РР, и поэтическому языку свобода построения единиц и конструкций имеет, кроме указанного сходства, и различия: одни и те же по форме единицы и конструкции могут нести разную функциональную нагрузку в РР и языке художественной литературы» [10, с. 8].

Е. Н. Ширяев вплотную подошел к проблеме сходства между поэтической и разговорной речью, исследуя бессюзные сложные предложения, широко распространенные в обеих разновидностях речи. Общность обнаружила не только в самом факте регулярного функционирования бессюзных сложных предложений в поэтической и разговорной речи, но и в некоторых семантических их характеристиках, например, в недифференцированных значениях. С полным основанием Е. Н. Ширяев квалифицирует подобное сближение как парадокс: «поэтический язык, который по своей природе является языком, требующим тщательнейшей художественной обработки и потому в принципе исключающий всякую спонтанность, явным и неслучайным образом сближается со спонтанной РР. Противоположности сходятся. В чем же причина такого парадокса?» [11, с. 35].

Отмеченный Е. Н. Ширяевым парадокс со стойкой закономерностью проявляется в функционировании всех синтаксических средств в поэтической речи. Причина указанного парадокса, а именно — присутствие в высокоорганизованном поэтическом тексте черт спонтанной речи, близкой к разговорной, — может быть в полной мере раскрыта, если ввести в поле зрения внутреннюю речь, которая в этом отношении может послужить своего рода опосредующим звеном между разговорной и поэтической речью.

Коммуникативная ситуация внутренней речи по ряду признаков совпадает с коммуникативной ситуацией разговорной речи (см. изложенные выше идеи Л. С. Выготского об общих коммуникативных условиях в устной и внутренней речи). Решающую роль в сближении устной и внутренней речи играют факторы, восходящие к позиции говорящего и характеру адресованности. Именно к этим двум слагаемым модели коммуникации относятся основные условия функционирования разговорной речи, которые выделяют ее исследователи: неподготовленность речи; непринужденность общения; непосредственное участие говорящих в акте коммуникации [1, с. 9; 10, с. 5; 12, с. 11]. К позиции говорящего по отношению к адресату речи и по отношению к внеязыковой ситуации восходят и такие факторы, определяющие строение разговорной речи, как общность апперцепционной базы участников диалога [13] и «сильная опора на внеязыковую ситуацию» [12, с. 11].

Все перечисленные условия коммуникации, присущие разговорной речи, характеризуют и внутреннюю речь. Спонтанность речи вытекает из самой природы внутренней речи. Непосредственное участие говорящих в акте коммуникации связано с тем, что адресатом во внутренней речи часто является сам говорящий. Если же адресатом служит другое лицо, то воображение говорящего приближает его, как бы ставит его в ситуацию непосредственного общения (см. выше о функциях второго лица). Сильная опора на внеязыковую ситуацию во внутренней речи вытекает из полной известности говорящему предмета речи и присутствия в его сознании в момент речи всей экстралингвистической ситуации.

Перечисленные условия коммуникации, общие для внутренней и разговорной речи, создают базу для сходных принципов построения речи и употребления одинаковых языковых средств. В той мере, в какой лирическая поэзия моделирует внутреннюю речь, в ней открывается возможность свободного функционирования речевых форм и языковых единиц, общих для внутренней и разговорной речи. Лирическая поэзия — единственный жанр, в котором регулярное употребление формально «разговорных» средств языка не является результатом имитации разговорной речи (хотя такая имитация во многих поэтических стилях имеет место), но непосредственно вытекает из ряда определенных к о м у н и к а т и в н ы х п р е д п о с ы л о к, характеризующих и устную разговорную речь и внутреннюю речь поэта.

Следует упомянуть также явление, присущее внутренней речи, но наблюдаемое и в устной разговорной речи, — диалогическое общение не только с другими лицами, но с самим собой и с предметами. Воображаемый диалог с другими лицами и диалог с собой — общераспространенное свойство внутренней речи. Вероятно, не для всех и не в одинаковой степени характерен диалог с предметным миром. Свидетельством естественного внутреннего диалога с собой служат дневниковые записи или устная речь наедине с собой. Диалог с предметами также иногда принимает устную форму, озвучивается. Например, водитель такси возится с мотором и, не понимая, что происходит, говорит с вопросительной интонацией: «*Не понял?...*» Прислушивается к работе мотора и через некоторое время отвечает: «*Так. Теперь понял*». Интересен разговор Гете с камнем, который изобразил Томас Манн в романе «*Лотта в Веймаре*». Приводится устный рассказ Гете:

«— И вот, когда мы, — так продолжался рассказ, — едва тащились по дороге, к тому же еще круто поднимающейся в гору, я вдруг увидал на обочине нечто, заставившее меня немедленно вылезть из экипажа, чтобы поближе рассмотреть диковинку. „Как ты-то сюда попал? Откуда ты взялся?“ — спрашивал я, ибо что бы вы думали глядело на меня из грязи? Близнецовые кристаллы полевого шпата!

«...» все начали высказывать восторг по поводу встречи рассказчика с этим чудом природы, и восторг неподдельный, ибо он так живо и драматично рассказал о ней, а его радостное и удивленное восклицание: „Как ты-то сюда попал?“ было столь очаровательно, такое неожиданное, трогательное и сказочное впечатление производило, что человек — и какой че-

ловек! — на „ты“ обращался к камню, что этот случай вызвал живое участие не в одном горном советнике» [14].

В обоих случаях диалог происходит с предметами, близкими говорящему, хорошо ему знакомыми. Эта черта в высшей степени присуща внутренней речи поэта, который сближается с предметным миром (ср. слова Б. Пастернака о «чувстве короткости со вселенной» [15]). Она предопределяет повышенную диалогичность лирической поэзии.

Поскольку коммуникативная позиция говорящего в поэтической речи частично совпадает с коммуникативной позицией говорящего во внутренней и разговорной речи, то и поэтическая речь в известной мере оказывается носителем тех свойств, которые определяют структуру разговорной речи, — некоторой спонтанности и непринужденности. Эти свойства и являются источником более свободного употребления языка, менее строгих синтаксических построений, чем в непоэтической речи, вполне допустимых (как и в разговорной речи) и мало заметных отклонений от норм, возможности появления аграмматических структур.

Близость поэтической и разговорной речи ограничивается чертами, вытекающими из тех коммуникативных условий, которые у них совпадают, т. е. условий, присутствие которых в поэтической речи объясняется тем, что лирическая поэзия моделирует внутреннюю речь. Но, как это было раскрыто выше, передача внутренней речи — лишь один канал связи. В поэтической речи действует одновременно другой коммуникативный канал, предполагающий резко отличную от первой позицию говорящего. Эта позиция характеризуется установкой на создание особым и сложным образом организованного письменного текста, рассчитанного на внешнего адресата-читателя. Условия, входящие в модель коммуникации в этом другом канале связи, не имеют общих признаков с коммуникативными условиями разговорной речи. Своеобразен характер референции в поэтическом сообщении, несравненно более сложной по сравнению с обиходной речью (говоря о ключевых темах лирики, Л. Я. Гинзбург отмечает, что «они касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей...» [16]). Сложно строится поэтическое сообщение (текст) — так, что в нем возникает свой индивидуальный код (поэтический язык), создающий неповторимый индивидуальный смысл.

Своеобразие коммуникации в поэтической речи, особый характер всех составляемых коммуникативной модели часто радикальным образом изменяют семантический и функциональный статус средств языка по сравнению с разговорной речью — вплоть до омонимии.

Сопоставление коммуникативных условий в трех типах речи — внутренней, устной разговорной и поэтической — показывает, что парадоксальность поэтической речи таится в самих факторах коммуникации. Коммуникативные признаки, общие для поэтической и разговорной речи, приводят к употреблению одинаковых конструкций и к некоторым сходным принципам построения речи. Но с другой стороны, признаки, различающие поэтическую и разговорную речь, служат причиной различий семантики и функций одних и тех же языковых средств или различного воплощения в структуре речи некоторого общего принципа.

К таким общим принципам, общим тенденциям, проницающим из знания экстралингвистической ситуации и присутствия собеседника (признаки, общие для разговорной и внутренней речи), относится возможность строить речь с опущенными смысловыми звеньями. Например — последовательности высказываний со сложными отношениями, предполагающими вербально не выраженные смыслы. Возможная смысловая сложность и неоднозначность отношений между высказываниями в поэтическом тексте не позволяет эксплицировать такие отношения без существенных потерь. Эта черта присуща поэтической речи в силу сложного характера референции. В то же время, как это показал Е. Н. Ширяев, в устном диалоге подобная экспликация (восстановление опущенных звеньев) в принципе возможна (см. [11]). И общность и различия связаны здесь с общностью одних коммуникативных признаков и различием других. В поэтической речи усложнению отношений между высказываниями в тексте

способствуют и некоторые особенности структуры поэтического сообщения (структура сообщения — один из компонентов коммуникативной модели), в частности, невербальные аспекты структуры сообщения — единство и теснота стихового ряда и, наряду с линейным, вертикальный способ смысловой связи [17].

Различия между поэтической и разговорной речью при некоторых чертах внешнего сходства объясняются различной конфигурацией признаков, восходящих к условиям коммуникации в этих двух типах речи.

Заключение. Характеристики, вытекающие из условий речевой коммуникации, образуют всякий раз новую конфигурацию коммуникативных признаков, совокупность которых предопределяет значение синтаксической формы в речи. Многие средства языка остаются семантически тождественными себе лишь при сохранении в определенном неизменном виде всех условий коммуникации.

Участие всех компонентов коммуникации в становлении семантики и функций языковых средств и в формировании типа речи говорит о том, что выделение в особую сферу прагматических факторов и жесткое разграничение высказывания-результата и высказывания-процесса способны заслонить реальный механизм образования значений в формах языка. Знаменателен в этом отношении вывод Е. В. Падучевой о том, что семантику предложения следует описывать «в контексте речевого акта, т. е. описывать семантику предложения, функционирующего как высказывание. Объект, с которым должна иметь дело семантика, — это не только семантическое представление предложения, но и семантико-прагматическое представление предложения в составе речевого акта» [18].

Если рассматривать высказывание (в широком смысле) как результат, то в поле зрения попадает только структура текста. Если же мы берем высказывание как процесс, то мы должны считаться со всеми условиями коммуникации, включая и структуру текста. В этом случае принимаются во внимание все факторы, которые определяют семантику и функции средств языка и специфику функционального типа речи и речевого жанра. Обеспечивается, таким образом, необходимая полнота условий, регулирующих употребление языка в речи. Полная модель коммуникации может послужить надежной основой для построения лингвистики речи — лингвистики типов речи и речевых жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская разговорная речь. М., 1973.
2. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
3. Степанов Г. В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат). — В кн.: Контекст. 1983. М., 1984.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.—Л., 1934.
5. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л., 1977, с. 140.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
7. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры. — Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973, с. 237.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
10. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
11. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1983.
12. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
13. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь. I. Пг., 1923.
14. Манн Т. Лотта в Веймаре. — Собр. соч. М., 1959, т. 2, с. 697.
15. Пастернак Б. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982, с. 376.
16. Гинзбург Л. [Я.] Частное и общее в лирическом стихотворении. — ВЛ, 1981, № 10, с. 153.
17. Балашов Н. И. Структурно-реляционная дифференциация знака языкового и знака поэтического. — ИАН СЛЯ, 1982, № 2.
18. Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения. — ИАН СЛЯ, 1984, № 4, с. 292.